

Научная статья
УДК 821.161.1.09
DOI 10.37724/RSU.2022.75.2.011

Евангельский сюжет о воскрешении Лазаря в литературе рубежных эпох

Анжелика Валерьевна Курочкина¹, Дарья Олеговна Котовская²

^{1, 2} Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

¹ anzkurochkina@yandex.ru

² prince.amelian@gmail.com

Аннотация. Значимость библейской темы для русской литературы, множественность интерпретаций библейских сюжетов и образов, к которым обращались авторы разных эпох, — все это диктует необходимость сравнения этих интерпретаций с учетом как художественного метода и мировоззрения писателей, так и социально-политического контекста, в котором создавалось произведение. Целью статьи является анализ версий евангельского сюжета о воскрешении Лазаря, предложенных писателями рубежных эпох: Л. Н. Андреева (XIX–XX века) и В. Шарова (XX–XXI века). Предмет исследования составляют особенности авторской рецепции сюжета в связи с индивидуально-авторским мировоззрением и общественным сознанием. Осуществленный анализ позволяет прийти к следующим выводам: несмотря на разные художественные методы, в традициях которых работали авторы далеких друг от друга эпох, они актуализировали библейский сюжет, предпринимая попытку на его основе рассмотреть дальнейшие пути развития России и русского народа. Оба писателя обращаются к мифологизации: данный прием помогает В. Шарову «воскресить» историческое прошлое страны, создать новую концепцию развития человечества на рубеже двух столетий, а Л. Н. Андрееву — выразить мысль о невозможности дальнейшего развития культуры в условиях послереволюционной России (1905–1907 годы). Опыт исследования интерпретаций «вечного» сюжета, предложенный авторами, позволяет расширить взгляд на проблему духовного возрождения человечества, отраженную в литературе рубежных эпох, обратиться к новому материалу для исследования этой проблемы, акцентировать внимание на закономерных объединяющих тенденциях, которые стали очевиднее лишь спустя столетия..

Ключевые слова: актуализация библейского сюжета, Владимир Шаров, интерпретация, Лазарь, Леонид Андреев, рецепция, социально-политический контекст.

Для цитирования: Курочкина А. В., Котовская Д. О. Евангельский сюжет о воскрешении Лазаря в литературе рубежных эпох // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 2 (75). С. 107–118. DOI: [10.37724/RSU.2022.75.2.011](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.75.2.011).

Original article

The Raising of Lazarus as a Biblical Plot in Literature at the Turn of the Century

Anzhelika V. Kurochkina¹, Daria O. Kotovskaya²

^{1, 2} Bashkir State University, Ufa, Russia

¹ anzkurochkina@yandex.ru

² prince.amelian@gmail.com

Abstract. The significance of biblical motifs for Russian literature, the variety of interpretations of biblical images and plots in different epochs underline the importance of a comparative analysis of different interpretations through the prism of writers' worldview, writers' style, and the social and political context they lived in. The aim of the article is to analyze the interpretation of a biblical plot, namely the raising of Lazarus,

by the writers of the turn of the century: L. N. Andreyev (the 19th–20th centuries) and V. Sharov (the 20th–21st centuries). The research focuses on the peculiarities of the authors' perception of the plot through the prism of their individual worldviews and social worldviews. The article maintains that despite using different stylistic methods, both authors attempt to predict further development of Russia and Russian people through the prism of the biblical plot. Both writers resort to mythologization in an attempt to "resurrect" the past of the country and to create a new concept of human development at the turn of the century (V. Sharov) and in an attempt to highlight a failure to culturally develop in the conditions of a post-revolutionary Russia (1905–1907) (L. N. Andreyev). The analysis of the authors' interpretations of the biblical plot enables the researchers to focus on the issue of humanity resurrection and to underline similar tendencies that have become obvious only recently.

Keywords: actualization of a biblical plot Vladimir Sharov, interpretation, Lazarus, Leonid Andreyev, social and political context.

For citation: Kurochkina A. V., Kotovskaya D. O. The Raising of Lazarus as a Biblical Plot in Literature at the Turn of the Century. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2022; 2 (75):107–118. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2022.75.2.011.

Введение

Рубеж эпох — время, всегда отмеченное своеобразным культурным взрывом, приводящим к резкому изменению эпохи, ее эволюции. Такой взрыв представляет собой естественное явление в контексте развития искусства; эту концепцию обосновывает и доказывает Ю. М. Лотман в работе «Культура и взрыв». «Взрывы — неизбежный элемент линейного динамического процесса» [Лотман, 1992, с. 257], — таков основной вывод исследователя. Далее он раскрывает сущность взрыва: «Характерная черта взрывных моментов в бинарных системах — их переживание себя как уникального, ни с чем не сравнимого момента во всей истории человечества» [Там же, с. 258]. Культурный взрыв, осознанный как особый человеческий опыт, порождает соответствующую литературу, стремящуюся выйти за рамки традиции, воплотить неповторимое переживание творца с помощью художественных экспериментов. Эта литература в соответствии с хронологическим принципом получает название «литература рубежа эпох».

Хотя термин «литература рубежа эпох» является общепринятым, современные исследователи предлагают и другие варианты: литература «переходных эпох» [Черняк, 2009], «литература рубежных эпох» [Фролова, Божкова, Быков, 2019]. В таких вариантах подчеркивается значимость эпохи как исторического и культурного феномена, сформировавшего особый тип литературы, чем оправдано обращение именно к этому термину в контексте данного исследования.

В настоящее время проблема переходных эпох находится в фокусе внимания исследователей, представляющих разные гуманитарные науки: философию, культурологию, историю, филологию. Предпринимаются попытки рассмотреть особенности культуры переходного периода, обусловленные ее антропологичностью [Черная, 1999], становление нового, «протоинформационного» типа сознания [Эпштейн, 2004, с. 25], общие черты литературы переходных эпох [Мережинская, 2001]. Таковыми становятся «смена концепции человека, и соответственно, изменение эстетического идеала, художественных моделей, по которым создаются образы литературных героев», «трансформация картины мира и появление ее новых художественных моделей» [Там же, с. 31], динамика стилевых течений. Осмыслить специфику литературы рубежа эпох пытались и ранее; значимые выводы находим в трудах представителей русской формальной школы. Б. М. Эйхенбаум заключал, что в переходную эпоху «смена проблем и смысловых знаков приводит к перегруппировке традиционного материала и к вводу новых фактов, выпадавших из прежней системы в силу ее естественной ограниченности» [Эйхенбаум, 2001, с. 49], а Ю. Н. Тынянов резюмировал, что рубеж эпох в литературе — время «обновления разных видов и жанров художественного творчества, период рождения новых форм, выработки нового художественного зрения» [Тынянов, 1977, с. 89]. Н. Л. Лейдерман характеризовал XX век в целом как «экспериментирующую эпоху» [Лейдерман, 2002]; думается, это определение применимо и к периодам рубежа начала и конца XX века.

Модернизм и постмодернизм — художественные направления, ставшие основными на рубеже XIX–XX и XX–XXI веков. Их общие и наиболее значимые черты обусловлены уже упомянутым нами культурным взрывом, которым характеризуется любая переходная эпоха: стремление к эксперименту в области формы, содержания, отказ или переосмысление существующего художественного наследия. Об этом уже писал Лотман, объясняя момент взрыва: «Момент взрыва создает непредсказуемую ситуацию <...> взгляд из прошлого в будущее, с одной

стороны, и из будущего в прошлое, с другой, решительно меняет наблюдаемый объект» [Лотман, 1992, с. 194]. Стремление бросить взгляд в прошлое присуще и модернизму, и постмодернизму: признавая, что все ранее созданное уже устарело, модернисты и постмодернисты пытаются дать этому созданному собственную трактовку в соответствии с мировоззрением эпохи и представителей направления. Модернизм как предок постмодернизма не стремится полностью отказаться от системы ценностей, в том числе духовных, поэтому вполне логично, что большинство поэтов и писателей эпохи рубежа XIX–XX веков в своем творчестве обращались к библейским образам и сюжетам, что стало предметом исследования многих научных работ. Однако целостная характеристика специфики евангельских сюжетов и образов в литературе Серебряного века практически никем не дается; одним из редких исключений является доклад Н. А. Маториной «Библейские мотивы в литературе Серебряного века» [Маторина, 2022], где, тем не менее, не представлены четкие выводы об особенностях функционирования этих мотивов в контексте эпохи. Попытку обзора библейских образов и мотивов в литературе начала XXI века предпринимает Р. Круглов, отмечая, что «в большинстве случаев постмодернистская литература выражает идеи нравственного релятивизма и потому по своей сути является антирелигиозной» [Круглов, 2022]. Проблема функционирования библейских образов и сюжетов в литературе рубежа эпох еще недостаточно разработана в современном литературоведении и потому представляет интерес для исследователя.

Тем не менее, как было отмечено ранее, уже предпринимались исследования, посвященные изучению библейских образов и сюжетов в творчестве отдельных авторов, в том числе в прозе Л. Н. Андреева и В. Шарова. Рассказ Андреева «Елеазар» достаточно хорошо изучен в литературоведении и становится объектом многих современных научных работ [Корнеева, 2001 ; Кашпур, 2004 ; Голованова, 2015], однако попытка рассмотреть писательскую интерпретацию библейского сюжета в контексте эпохи предпринимается только Л. А. Иезуитовой в монографии «Творчество Леонида Андреева (1892–1906)» [Иезуитова, 1976]. Иезуитова изучает разные пласты рассказа, выделяя в том числе социально-политический. Данная работа стала теоретическим базисом настоящей статьи. Большое значение для исследования имеет и статья А. И. Пантюхиной «Мотив мученичества в романе В. Шарова “Воскрешение Лазаря”» [Пантюхина, 2018], где произведение анализируется в контексте политического строя эпохи и в связи с национальным самосознанием.

Переходя непосредственно к теме исследования, отметим, что вопрос о рецепции евангельского сюжета о воскрешении Лазаря в русской литературе является актуальным: к сюжету часто обращались русские писатели, пытаясь осовременить библейскую идею воскрешения человека. У истоков этой традиции в русской литературе стоит Ф. М. Достоевский, для которого Библия стала книгой откровений; и хотя в семье Достоевских всегда придерживались традиций, возвращение к сакральному тексту произошло в контексте трагических событий жизни молодого писателя — несостоявшейся казни и неизбежной каторги. Неслучайно Достоевский писал о своем опыте: «А те 4 года считаю я за время, в которое я был похоронен живой и закрыт в гробу» [Достоевский, 1972, с. 181]. Освобождение после каторги представлялось писателю «как светлое пробуждение и воскресение в новую жизнь» [Там же]. Мысль Достоевского была не нова; сравнение политического преступника на каторге с Лазарем ранее предложил еще Герцен: «И вот перед моими глазами встают наши Лазари, но не с облаком смерти, а моложе, полные сил» [Герцен, 1956, с. 115]. Однако именно Достоевский смог гармонично вплести сюжет о Лазаре в один из своих известнейших романов, создав образ Раскольникова, чье преступление хоть и не является политическим, но подготовлено абстрактной теорией о праве сильнейшего на любой, самый бесчеловечный поступок. Эта теория вполне соотносится как с идеей наполеонизма, так и шире — с революционной, террористической деятельностью; данную мысль Достоевский впоследствии разовьет в «Бесах».

Попытка Достоевского, во многом вдохновленного событиями собственной жизни, интерпретировать библейский сюжет в соответствии с существующими социально-политическими реалиями позволила ему явить миру яркое художественное воплощение уже формировавшегося в среде русской интеллигенции образа Лазаря-политического преступника; ассоциация стала устойчивой, а библейская аллюзия, используемая для изображения такого персонажа, — традиционной. Традиция, заложенная Достоевским, продолжает развитие в русской литературе XX и XXI веков: художники далеких друг от друга эпох, Л. Н. Андреев и В. Шаров, размышляя об общественно-политической ситуации в России, о судьбе русского народа, обращаются к известному сюжету, актуализируют его. Следует отметить, что до сих пор сюжет о воскрешении Лазаря

рассматривается в основном в контексте романа Достоевского «Преступление и наказание» [Касаткина, 2003 ; Тарасова, 2020]. Актуальность настоящего исследования обусловлена стремлением «прочитать» евангельский сюжет в контексте русской литературы на стыке двух столетий, выявить принципиально новые концепции, преломившие сакральный текст в разных исторических реалиях. Новизна исследования определяет поставленные перед авторами задачи: проанализировать своеобразие трактовки сюжета о Лазаре в творчестве писателя Серебряного века и современного писателя с опорой на их мировоззренческую позицию и художественный метод.

Основная часть

«Елеазар» Л. Н. Андреева как реакция на революцию 1905–1907 годов

Как уже было отмечено во введении, Л. Н. Андреев примыкает к традиции интерпретации сюжета о Лазаре в контексте современных событий. Он известен как основоположник экспрессионизма в России, писатель, осуществивший в своем творчестве парадоксальный синтез многих методов (реализм, символизм, импрессионизм и уже упомянутый экспрессионизм), переосмысливший традиционные библейские сюжеты и образы; Иуда Искариот, Иисус, Сатана, апостолы — в этой галерее трансформированных Андреевым образов не могло не найтись место и Лазарю. Начав с переосмысления мотива его воскрешения в более ранней повести «Жизнь Василия Фивейского» (1903), в 1906 году писатель посвящает Лазарю отдельный рассказ: «С удивительной быстротою написал “Елеазара”, рассказ мрачный, как клистирная трубка» [Литературное наследство, 1965, с. 274]. И, действительно, андреевская рецепция евангельского сюжета оказывается исключительно мрачной — в соответствии с эпохой и мировоззрением самого писателя. Тесно переплетаясь между собой, в рассказе Андреева возникают личное и общественное, вечное и настоящее; каждый из пластов рассказа, библейский и конкретно-исторический, оказываются равноценны по значимости и неразрывно связаны друг с другом, что обуславливает наше обращение и к «вечной» реальности в произведении писателя в рамках данной статьи.

Сюжет рассказа продолжает библейскую притчу о Лазаре: Андреев предлагает читателю собственную версию дальнейшей судьбы чудесно воскрешенного Иисусом героя. Лазарь пытается вернуться к прежней жизни, но те четыре дня, что он провел за гранью, кардинальным образом изменили его — и оказывается, что возврата нет. В интерпретации Андреева чудо, совершенное Христом, теряет свой смысл и оказывается едва ли не насильственным актом сродни некромантии по отношению к умершему: неслучайно писатель дает подробное описание внешности Лазаря, из которого становится понятно, что перед нами живой мертвец. Андреев в своем произведении позволяет себе лишить Бога власти над жизнью и смертью, присущего Ему всемогущества: «...разрушительная работа смерти над трупом была только остановлена чудесной властью, но не уничтожена совсем» [Андреев, 1990, с. 192]. Что же, по его мнению, обладает властью большей, чем Бог, чем сын Божий? Учитывая мировоззрение Л. Н. Андреева, ответ очевиден — смерть.

Смерть имела особое значение для писателя: личные события его жизни продиктовали особую важность для него этой темы в творчестве. Л. Н. Андреев несколько раз покушался на самоубийство, а в юности, в возрасте 16 лет, под влиянием идей А. Шопенгауэра лег под поезд, желая проверить господство мировой воли. Это и определило основную направленность творчества писателя: более или менее явно выраженные попытки понять сущность смерти, осмыслить «непостижимое Там» [Андреев, 1990, с. 196].

Несмотря на то, что Андреев позиционировал себя скорее не как атеиста, а как богоискателя, по-видимому, именно тесный контакт со смертью повлек присущие писателю религиозные сомнения, заставил его сделать своим главным богом смерть. Пытаясь осмыслить легенды Священного Писания, позволяющие верующему человеку смириться с неизбежностью смерти, но неспособные в этом смирении до конца убедить прикоснувшегося к смерти Андреева, писатель пришел к тому, что в своем творчестве осуществил смелую попытку трансформации библейских образов и сюжетов. Та же трансформация происходит и с легендой о Лазаре в его рассказе «Елеазар».

Новозаветная история о воскрешении Лазаря призвана убедить христианина в том, что непоколебимая вера в Бога способна совершить даже невозможное в природе чудо — возвращение из мертвых. Безусловно, эта легенда прославляет и всемогущество Бога во всех Его ипостасях. Как уже было отмечено выше, с библейской идеей о всемогуществе Бога Андреев в корне не согласен: что в «Жизни Василия Фивейского», что в «Елеазаре», что в последующей повести «Иуда Искариот» (1907) он развенчивает мнимое всеилие Господа, в котором сомневается. Бог то

отмалчивается, то неспособен убедить порочное человечество в Своих светлых идеях, а если и вмешивается, это приводит к трагическим последствиям, как в «Елеазаре». Всеми брошенный, несущий смерть всему живому одним взором, неспособный спрятаться под красивыми одеждами и красками, насладиться простыми радостями жизни, андреевский Лазарь заканчивает свою жизнь в пустыне под лучами палящего солнца. Образ одиноко странствующего по пустыне Лазаря невольно заставляет провести параллель с притчей об искушении Христа, и тут же оказывается, что «его [Лазаря] черное туловище и распростертые руки давали чудовищное подобие креста» [Андреев, 1990, с. 209]. Зачем же Андреев, признающий в рассказе победу своего страшного Бога — смерти, — ставит рядом Лазаря и Христа, осуществляет контаминацию этих образов? По-видимому, эта параллель намекает на религиозные сомнения писателя: он, хоть и считает самым могущественным существом во вселенной смерть, но признает, что и Иисус, и Лазарь владеют непостижимыми для обычного человека тайнами — тайной божественной силы и тайной смерти. Вполне христианским видится и представление о том, что за истину необходимо пострадать: в своих муках Лазарь приближается к Христу. Так же будет мучиться и Иуда в повести «Иуда Искариот», но мучение его — еще более возвышенно: это страдание не только знающего, но и верующего — вопреки. Вероятно, религиозные сомнения Андреева все усиливались в течение его жизни; неслучайно после революции в своем дневнике он напишет: «Сейчас захотелось молиться. Но как? Но кому? Какими словами?» [Андреев, 1994, с. 146].

Хотя в «Елеазаре» отразились болезненные духовные искания Андреева, есть в рассказе и еще один слой: социально-политический. Писатель, не чуждый общественной жизни своего времени, отразил в произведении не только субъективные ощущения, но и проблемы начала XX века. Не будучи по природе революционером, Андреев тонко ощущал происходящее: «Время же действительно неблагонадежное — именно время <...> люди не знают, что будет завтра, всего ждут — и все возможно. Мера вещей утеряна. Анархия в самом воздухе» [Литературное наследство, 1965, с. 139]. Л. А. Иезуитова, один из крупнейших исследователей творчества Андреева, также указывает на связь рассказа «Елеазар» с реалиями эпохи: «Андреев написал рассказ на языке революционного подполья, для подполья и в первую очередь подпольем был понят» [Иезуитова, 1976, с. 49]. Как уже было отмечено ранее, традиция сравнивать политических преступников, отбывающих наказание, с Лазарем берет начало еще в творчестве Достоевского, самым известным «лазарем» которого станет Раскольников в романе «Преступление и наказание». Можно предположить, что для Андреева, как и для Достоевского, преломляющего общественные реалии в рассказе, причина обращения к евангельскому сюжету о воскрешении Лазаря была субъективной: равнодушие к революционным идеям, ощущение необходимости перемен, жажда выразить отношение к событиям в стране. Известный факт представляет собой и активная деятельность Андреева во время революции 1905–1907 годов: он укрывал у себя дома членов РСДРП, позволил провести у себя на квартире тайное собрание Центрального комитета, за что был посажен в тюрьму, а через 14 дней выпущен под залог. Как и многие тогда, Андреев был удручен происходящим после совершившейся революции; свое отношение к насилию в отношении революционных деятелей он выразил в ряде произведений: «Рассказ о семи повешенных» (1908), роман «Сашка Жегулев» (1911). Общественно-политические взгляды Андреева, революционный настрой, испытываемый им во времена первой русской революции, — все это позволяет предположить, что писатель сознательно включился в традицию изображения русских Лазарей-политических преступников. В этом контексте бессилие Бога, мученичество Лазаря, роднящее его с Христом, пессимистический финал обретают особое значение: Лазарь страдает за совершенный революционный подвиг, который не был оценен людьми, ради которых он и совершался, и все, что его ждет, — гражданская смерть при физическом благополучии. В соответствии с духом эпохи Андреев рождает мрачный миф о Лазаре, чье формальное воскрешение не изменяет его духовной смерти. Эти мысли можно спроецировать и на эпоху после поражения декабристов, и на весь век правления Николая I. Данные параллели неслучайны: ореол святости, которым Андреев наделяет Лазаря, действительно не является его личной идеей и вписывается в уже упомянутую выше традицию, идущую со времен декабристов; еще Герцена называли «основоположником житий революционных святых» [Ульянов, 2022]. Вероятно, и Андреев, в силу сложного, двойственного отношения к религии, зачастую предпринимающий попытки обесценить христианство, все еще продолжает мыслить категориями религиозного сознания; в таких же категориях видела революцию и интеллигенция XIX века.

Переплетая в своем рассказе библейский, вечный и конкретно-исторический слои повествования, Андреев актуализирует евангельский сюжет о воскрешении Лазаря и приходит к выводу, соответствующему мрачному настроению интеллигенции после революции 1905–1907 годов:

в настоящих политических реалиях общественная жизнь для человека с активной позицией невозможна. Пессимистическое настроение общественности не противоречит и субъективному самоощущению Андреева, даже подчеркивает его трагическое восприятие: в сражении Бога и смерти у него вновь побеждает смерть — в любых формах. Неожиданная интерпретация библейской легенды стала смелым художественным экспериментом, одним из многих, предпринятых Л. Н. Андреевым.

Пути духовного возрождения человечества в романе В. Шарова «Воскрешение Лазаря»

Через много лет, на изломе двух эпох — XX и XXI веков — писатели вновь обращаются к сакральным текстам, пытаясь в них узреть дальнейшие пути развития мира и человечества, в частности России и русского народа. Предпринимает такую попытку и В. Шаров — современный и, к сожалению, уже покинувший нас писатель, работавший в постмодернистской традиции. Проза В. Шарова, исследованию которой посвящена вторая часть статьи, — это попытка воскресить судьбы людей, заключающих в себе правду века и человека, ведь человек жив историей, своим прошлым.

Роман В. Шарова с говорящим названием «Воскрешение Лазаря» (2002) представляет собой сложную интерпретацию известного библейского сюжета, выстроенного на истории страны и истории христианства. Известная притча вобрала в себя разные истории и судьбы людей, развивающиеся благодаря фантазии автора, базирующейся на эпистолярном жанре и композиции «рассказ в рассказе». Сюжет строится как повествование от лица рассказчика-«воскрешенца», который пишет письма, обращенные к своей дочери. Зачастую рассказчик пользуется не первоисточником, а передает истории, ссылаясь на вторые, а то и третьи лица. Он пытается разобраться в документах своего умершего отца и по ним восстановить его жизнь, а затем и воскресить его.

Однако в центре сюжета — противостояние двух братьев Кульбарсовых, монаха и революционера (в архиве отца находится много писем этих братьев): любя одну женщину, они чуть не повторили библейскую историю о Каине и Авеле. В их судьбе причудливо соединились история страны и история христианской веры. Идея воскрешения отца переплетается с идеей воскрешения старой дореволюционной России; обе они меркнут на фоне авторской мысли о том, что не стоит воскрешать прошлое. В связи с этим логично продолжить авторские размышления об истории России: были Советский Союз, советский многонациональный народ и жизнь в большой стране, стоит ли их тревожить? Разумно оставить героев в той эпохе, к которой они принадлежали, не следует воскрешать то, что осталось нашим историческим прошлым.

Сюжет романа выстраивается как духовная история всего XX века, как одна из версий судеб героев, ставших жертвами истории. В конце XX века сыновья создают миф (авторская концепция исторической мифологемы) об отцах-мучениках. В. Шаров сакрализует миф мученичества, трактуя историю Октябрьской революции как социальный эксперимент, когда потомки мучеников сами превращаются в мучеников. Автор обнаруживает ложные пути поиска личной праведной веры: путь Феогноста («Фео» — Бог, «гнозис» — знание, буквально «знающий Бога») — путь провидца к мессианской идее спасения России через принятие мученичества народа; путь Николая-подвижника, который идет пешком по России и проповедует терпимость и примирение между людьми, — дорога в никуда, потому что на деле оказывается, что он не идет, а просто скрывается от властей и проживает без документов. Шаров создает мифы русских людей на основе исторических событий и мифы последующих поколений о прошлом. Исторические коллизии первой половины XX века — революции, мировые и гражданские войны, репрессии, — выводят на первый план идеи насилия над людьми, выявляя мотивы страдания и мученичества как расплату за веру, вступающую в противоречие с господствующей идеологией общества. Идея сакрализации в романе принадлежит жертвам и их потомкам. Однако в конце советской эпохи мучениками утопической веры оказываются и представители новой власти, и их идейные враги, поскольку «преобразователи» создали свой миф о спасении мира. Сыновья живут в переломный момент истории — в период самоопределения России конца XX века (события в романе разворачиваются в начале 1994 года), кризиса коммунистической идеологии, в эпоху личностного выбора. Герои Шарова постигают духовное величие народа-мученика, ведь они прожили однообразную жизнь в советское время, не стремясь проявлять активную общественную позицию; и только теперь, через письма и устные рассказы своих отцов, их страдания переосмысливают исторические события и трагические судьбы людей.

Истории, представленные в письмах и рассказах персонажей, то прямо цитируются рассказчиком, то пересказываются с чужих слов, превращаясь в истории страданий и мучений русских людей XX века. Эпоху формирования коммунистических идеалов Шаров сравнивает с христианской эпохой: гонениям подвергаются не носители новой социалистической веры, а носители христианской веры, ее духовного преображения. Мученики в романе — это люди сомневающиеся, ищущие пути к Богу, не следующие классическим канонам веры. Важно, что у Шарова мученики не принимают смерти: как пишет О. М. Фрейденберг, часто в мученичестве религиозный, духовный сюжет соединяется с бытовыми, жизненными сюжетами, а образ мученика связан с ситуацией временного забвения, безумия и воспоминания, узнавания как спасения [Фрейденберг, 1997, с. 250]. Перечисленные мотивы вплетаются в истории центральных персонажей романа. Тем не менее идея сакрализации мучений за веру накладывается на коллизию мучений за идеи и ценности, и мотив социальных страданий соотносится с мотивом мученичества в христианской культуре, не совпадая с каноном сакрализации мучений. Используемые Шаровым мотивы не доказывают правоту мучеников, не свидетельствуют об истине, которой они владеют. Писатель сознательно развенчивает известные мифы, перераспределяя роли мучителей и мучеников (чекистов и репрессированных), тем самым создавая эффект демифологизации социальных мифов.

В. Шаров приводит читателя к мысли о том, что его герои «убегают» от мученичества или, вернее, имитируют его (юродство Феоноста, мнимое путешествие Николая), не имеют твердых убеждений и веры, чаще всего поступки героев продиктованы не желанием служить Богу, а субъективными межличностными отношениями (гордыней, ревностью). Сюжет романа строится на основе идеи необходимости поиска веры. Николай отказывается от своих мессианских воззрений, а страдания русского народа преобразует в эпистолярный жанр, лишая их подлинности, да и хождения по мукам реализует лишь в письмах. По сути дела, в романе автор демифологизирует идею национального мученичества, идею явления мессии, поскольку социальный террор воспринимается как спасение нации от ложных ценностей, а страдания русского народа являются основанием для его избранности Богом и спасения как искупления грехов в страданиях. Мученичество в романе В. Шарова не подтверждает наличие сакральной цели, святости мучеников, ставит под сомнение телеологизм истории, доказывает абсурд обоснования страданий в национальной истории, мифологизм религиозного национального сознания.

Шарову важны фантазмагорические версии русской истории, знакомясь с которыми, складывается ощущение полной уверенности в фактологической достоверности изображаемого. Герои Шарова вслед за автором создают свои исторические мифы, истоки и авторство которых проследить невозможно (в сюжетно-композиционной основе романа наблюдаются нарушение причинно-следственных, пространственно-временных связей, «оборотничество» персонажей). Шаров актуализирует уже не только евангельскую легенду, но и ветхозаветную притчу о Лазаре, бедняке, который просил милостыню и в загробной жизни оказался в раю. Бедный, нищий русский народ испытывает нечеловеческие муки и страдания, которые становятся необходимым условием построения будущего рая на земле. Писатель, комментируя свой роман, заявлял, что самым главным для него было изобразить взаимоотношения людей, реальные человеческие судьбы; но в то же время он признавал, что создал роман-миф, роман-притчу. Наиболее ярко в повествовании выражена мифологема жертвоприношения как единственного способа спасения и воскрешения души. Жанр произведения можно определить и как идейный роман, потому что его основу составляет столкновение двух идей — христианской веры и большевистской истины, каждая из которых реализуется через образы конкретных героев и сюжетные коллизии.

Интересной представляется общая коллизия романа: если в начале сюжета автор изображает столкновение двух противоположных сил, то в конце произведения он объединяет выдвинутые антагонистические идеи: представители советской власти, чекисты, оказываются посланниками Бога на земле, они присланы для того, чтобы народ искупил свои многовековые грехи: «И вот пришли чекисты. Сначала не признали мы в них посланных Тобой, бежали в леса и пустыни. Но разве убежишь от Тебя, скроешься с глаз Твоих? Так и здесь — настигали они нас везде и тяжко наказывали за наше непослушание» [Шаров, 2022].

Роман Шарова «Воскрешение Лазаря» позволил открыть новые смыслы в сакральном сюжете, предложил пути духовного возрождения человечества и России, так необходимые стране на рубеже XX–XXI веков. Воспринимая историю как некое пустое пространство, которое требует заполнения, писатель предлагает свои мифы истории человечества, не претендуя на правду. Дальше решать читателю — что правда, а что вымысел; чему учит очередная история, рассказанная писателем.

Заключение

Рубежи двух столетий — сложное, переломное время для России; это эпоха перемен, духовных и политических исканий. Такое время не могло не отразиться в искусстве, в том числе и в творчестве поэтов и писателей; пытаясь отыскать опору и адаптироваться в «смутное» время, они обращались к библейским сюжетам, одним из которых стал евангельский сюжет о воскрешении Лазаря. Несмотря на его особенную историко-художественную значимость, его использование не стало творческой новацией русских писателей разных эпох: традиция рассматривать легенду о Лазаре и его образ в контексте политической ситуации тянется еще со времен декабристов. Художественное воплощение уже сформировавшегося, устойчивого образа Лазаря-политического преступника и попытку литературной интерпретации эпизода новозаветной истории с учетом современных реалий представил еще Ф. М. Достоевский; его опыт оказался исключительно полезен для писателей грядущих эпох.

К наследию Достоевского сознательно обращается Л. Н. Андреев в рассказе «Елеазар». Несмотря на отражение в произведении личных духовных поисков, важное место в нем занимают и размышления писателя о социально-политическом состоянии страны: он не верит, что после подавленной государством революции 1905–1907 годов возможно какое-либо движение общественной жизни. Куда большую роль в своем романе «Воскрешение Лазаря» отводит размышлениям о судьбе России и русского народа В. Шаров, предлагая своеобразную духовную историю всего XX века. Писатель выходит за рамки традиций Достоевского и проецирует сюжет о Лазаре на судьбу всего русского народа, полагая, что страдание — неизбежная часть его пути, ведущая к спасению; для Шарова важна не только евангельская легенда, но и ветхозаветная притча о Лазаре-бедняке, через мученичество и нищету попавшего в рай. В целом, прибегая к мифологизации обоих сюжетов, В. Шаров «воскрешает» историческое прошлое страны и создает новую концепцию развития человечества на рубеже двух столетий.

Несмотря на то, что оба автора отталкиваются от одной традиции, очевидны различия в рецепции известного сюжета: в авторских интерпретациях нашли отражение субъективное отношение писателей к современным им реалиям жизни, их взгляды на будущее России. По мысли Андреева, в текущей политической ситуации (рассказ написан после первой русской революции) положительные перемены невозможны: пострадавший за несогласие с существующим режимом преступник-Лазарь оказывается похоронен для гражданской жизни. Андреев, очевидно, как в силу личного неприятия насилия (неслучайно один из самых его известных рассказов, «Красный смех», посвящен ужасам войны), так и в силу принадлежности к определенному общественному слою (творческой интеллигенции) остроотреагировавший на произошедшие события, не принимает государственной политики и ждет другого, более лояльного отношения к революционерам. Такой же была реакция интеллигенции и на суд над декабристами; неслучайно политике Николая I, вошедшего в историю с прозвищем «Палкин», было уделено столько внимания в художественной и публицистической литературе XIX века. Совершенно другой, непривычной позиции придерживается современный писатель В. Шаров, с одной стороны, традиционно наделяя русский народ ореолом мученичества, с другой, абсолютизируя это мучение и его источник (чекисты, представители господствующей идеологии), полагая, что этот процесс необходим, чтобы Россия пережила духовное воскрешение. Кроме того, не все мученики-Лазари Шарова подлинны: обосновывая в своей концепции необходимость страдания для духовной эволюции народа, писатель при этом доказывает абсурдность такового.

По-разному интерпретируя евангельский сюжет о Лазаре, писатели рубежных эпох используют идейное и художественное наследие русской интеллигенции, в чем-то следуя, а в чем-то отходя от сложившейся традиции. Л. Н. Андреев, писатель, чья основная деятельность пришлась на начало XX века, ставшего переломным для России, с помощью новозаветной легенды отражает современные ему общественные настроения, жажду перемен и недовольство политикой государства через создание крайне пессимистической интерпретации истории Лазаря, в чем немаловажную роль сыграло субъективное мировосприятие Андреева, отличающееся трагизмом, катастрофизмом и даже максимализмом. В. Шаров же, создавший свой роман на изломе XX–XXI веков и переживший хаос «девяностых», резюмирует: испытания (репрессии, социальный террор), выпавшие на долю русского народа в XX веке, были необходимы для его нравственного возрождения. Писатель

считает: подобно Лазарю — и ветхозаветному, и новозаветному, — Россия должна претерпевать страдания и не переставать верить, тогда ее ждет счастливая судьба.

Таким образом, евангельский сюжет, уже ранее осмысленный русскими литераторами, публицистами, общественными деятелями, помогает писателям рубежных эпох, принадлежащим к разным традициям (модернистской и постмодернистской), выразить свое отношение к современной им и ушедшей в прошлое политической ситуации.

Список источников

1. Андреев Л. Н. Собрание сочинений : в 6 т. — М. : Худож. лит., 1990. — Т. 2. — 559 с.
2. Андреев Л. Н. S. O. S.: дневник (1914–1919); письма (1917–1919); статьи и интервью (1919); воспоминания современников (1918–1919) / вступ. ст., сост. и примеч. Р. Дэвиса, Б. Хэллмана. — М. ; СПб. : Atheneum-Феникс, 1994. — 598 с.
3. Герцен А. И. Собрание сочинений : в 30 т. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. — Т. 9. — 354 с.
4. Голованова Н. Ю. Библийское и Андреевское в произведениях Л. Н. Андреева (на примере рассказов «Иуда Искариот», «Елеазар») // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2015. — № 4 (18). — С. 25–31.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. — Л. : Наука, 1972. — Т. 28. Письма 1832–1859. — 551 с.
6. Иезуитова Л. А. Творчество Леонида Андреева (1892–1906). — Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. — 240 с.
7. Касаткина Т. А. Воскрешение Лазаря: опыт экзегетического прочтения романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вопросы литературы. — 2003 — № 1. — С. 176–208.
8. Кашпур О. А. Интерпретация библийской легенды о воскрешении Лазаря в рассказе Л. Андреева «Елеазар» // Культура и текст. — 2004. — № 7. — С. 87–92.
9. Корнеева Е. В. Система мотивов художественной прозы и драматургии Леонида Андреева. — Елецк : Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2001. — 103 с.
10. Круглов Р. Христианские темы и мотивы в современной русской литературе. — URL : <http://журнальныймир.рф/content/hristianskie-temy-i-motivy-v-sovremennoy-russkoj-literature> (дата обращения: 27.02.22).
11. Лейдерман Н. Л. Траектории «экспериментирующей эпохи» // Вопросы литературы. — 2002. — № 4. — С. 3–47.
12. Литературное наследство : в 111 т. / под ред. И. И. Анисимова, Д. Д. Благого, А. С. Бушмина, В. В. Виноградова [и др.]. — М. : Наука, 1965. — Т. 72. — 630 с.
13. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. — М. : Гнозис, 1992. — 272 с.
14. Маторина Н. А. Библийские мотивы в литературе Серебряного века. — URL : <http://www.hvs.kz/bibleyskie-motivy-v-literature-serebryanogo-veka> (дата обращения: 27.02.22).
15. Мережинская А. Ю. Художественная парадигма переходной культурной эпохи: русская проза 80–90-х годов XX века. — Киев : Киевский ун-т, 2001. — 433 с.
16. Пантюхина А. И. Мотив мученичества в романе В. Шарова «Воскрешение Лазаря» // Филологический класс. — 2018. — № 2 (52). — С. 146–152.
17. Тарасова Н. А. «Воскресение» и «воскрешение» в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — № 2. — С. 190–216. — DOI: 10.15393/j9.art.2020.7962.
18. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М. : Наука, 1977. — 574 с.
19. Ульянов Н. И. Басманный философ. — URL : <http://obogudev.narod.ru/images/niubas.htm> (дата обращения: 13.03.2022).
20. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. — М. : Лабиринт, 1997. — 448 с.
21. Фролова Г. А., Божкова Г. Н., Быков А. В. Типы героев-террористов в русской литературе рубежных эпох // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12, вып. 3. — С. 400–403. — DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.83>.
22. Черная Л. А. Русская культура переходного периода от средневековья к новому времени. — М. : Языки рус. культуры, 1999. — 283 с.
23. Черняк М. А. Массовая литература XX века. — М. : Флинта, 2009. — 432 с.
24. Шаров В. Воскрешение Лазаря. — URL : <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/8/sharov.html> (дата обращения: 15.03.2022).
25. Эйхенбаум Б. М. Мой современник. Маршрут в бессмертие. — М. : Аграф, 2001. — 384 с.
26. Эпштейн М. Знак пробела: о будущем гуманитарных наук. — М. : Новое лит. обозрение, 2004. — 864 с.

References

1. Andreev L. N. *Sobranie sochinenij : v 6 tomah* [Collected Works: in 6 vols.]. Moscow, Belles Lettres Publ., 1990, vol. 2, 559 p. (In Russian).
2. Andreev L. N. S. O. S.: *dnevnik (1914–1919); pis'ma (1917–1919); stat'i i interv'ju (1919); vospominanija sovremennikov (1918–1919)* [S. O. S.: a Diary (1914–1919); Letters (1917–1919); Articles and Interviews (1919); Memoirs (1918–1919). Djevis. R., Hjellman B. (eds.). Moscow, St. Petersburg, Atheneum-Phoenix Publ., 1994, 598 p. (In Russian).
3. Gercen A. I. *Sobranie sochinenij : v 30 tomah* [Collected Works: in 30 vols.]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1956, vol. 9, 354 p. (In Russian).
4. Golovanova N. Ju. Biblical and Andreyev's motifs in L. N. Andreyev's Works (at the example of the stories "Judah" and "Eleazar"). *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki* [Relevant Issue of Modern Philology and Journalism]. 2015, no. 4 (18), pp. 25–31. (In Russian).
5. Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij : v 30 tomah* [Collected Works: in 30 vols.]. Leningrad, Science Publ., 1972, vol. 28. Letters 1832–1859, 551 p. (In Russian).
6. Iezuitova L. A. *Tvorchestvo Leonida Andreeva (1892–1906)* [Books by Leonid Andreyev (1892–1906)]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1976, 240 p. (In Russian).
7. Kasatkina T. A. The Razing of Lazarus: Exegetic Interpretation of F. M. Dostoyevsky's Novel "Crime and Punishment". *Voprosy literatury* [Literary Issues]. 2003, no. 1, pp. 176–208. (In Russian).
8. Kashpur O. A. An Interpretation of the Biblical Parable of the Raising of Lazarus in L. Andreyev's "Eleazar". *Kul'tura i tekst* [Culture and Text]. 2004, no. 7, pp. 87–92. (In Russian).
9. Korneeva E. V. *Sistema motivov hudozhestvennoj prozy i dramaturgii Leonida Andreeva* [The System of Literary and Dramatic Motifs of Leonid Andreyev]. Yelets, Yelets State University named for I. A. Bunin Publ., 2001, 103 p. (In Russian).
10. Kruglov R. *Hristianskie temy i motivy v sovremennoj russkoj literature* [Christian Motifs in Modern Russian Literature]. Available at : <http://zhurnal.nyjmir.rf/content/hristianskie-temy-i-motivy-v-sovremennoy-russkoj-literature> (accessed: 27.02.22). (In Russian).
11. Lejderman N. L. The Trajectories of the Experimenting Epoch. *Voprosy literatury* [Literary Issues]. 2002, no. 4, pp. 3–47. (In Russian).
12. Anisimov I. I., Blagoj D. D., Bushmin A. S., Vinogradov V. V. [et al] (eds.). *Literaturnoe nasledstvo : v 111 tomah* [Literary Legacy: in 111 vols.]. Moscow, Science Publ., 1965, vol. 72, 630 p. (In Russian).
13. Lotman Ju. M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow, Gnosis Publ., 1992, 272 p. (In Russian).
14. Matorina N. A. *Biblejskie motivy v literature Serebrjanogo veka* [Biblical Motifs in the Literature of the Silver Age]. Available at : <http://www.hvs.kz/biblejskie-motivy-v-literature-serebrjanogo-veka> (accessed: 27.02.22). (In Russian).
15. Merezhinskaja A. Ju. *Hudozhestvennaja paradigma perehodnoj kul'turnoj jepohi: russkaja proza 80–90-h godov XX veka* [Literary Paradigm at the Turn of the Century: Russian Prose of the 1980s–1990s]. Kiev, Kiev University Publ., 2001, 433 p. (In Russian).
16. Pantjuhina A. I. Mariology in V. Sharov's Novel "The Raising of Lazarus". *Filologicheskij klass* [Philological Class]. 2018, no. 2 (52), pp. 146–152. (In Russian).
17. Tarasova N. A. "Resurrection" and "Sunday" in F. M. Dostoyevsky's Novel "Crime and Punishment". *Problemy istoricheskoy pojetiki* [Issues of Historical Poetics]. 2020, no. 2, pp. 190–216. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7962. (In Russian).
18. Tynjanov Ju. N. *Pojetika. Istorija literatury. Kino* [Poetics. History of Literature Cinema]. Moscow, Science Publ., 1977, 574 p. (In Russian).
19. Ul'janov N. I. *Basmannyj filosof* [Basmanny Philosopher]. Available at : <http://oboguev.narod.ru/images/niubas.htm> (accessed: 13.03.2022). (In Russian).
20. Frejdenberg O. M. *Pojetika sjuzheta i zhanra* [Genre and Plot Poetics]. Moscow, Labyrinth Publ., 1997, 448 p. (In Russian).
21. Frolova G. A., Bozhkova G. N., Bykov A. V. Terrorist Heroes in Russian Literature at the Turn of the Century. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theoretical and Applied Issues]. 2019, vol. 12, iss. 3, pp. 400–403. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.83>. (In Russian).
22. Chernaja L. A. *Russkaja kul'tura perehodnogo perioda ot srednevekov'ja k novomu vremeni* [Russian Culture of the Transition Period: from Medieval Times to Modernity]. Moscow, Russian Language and Culture Publ., 1999, 283 p. (In Russian).
23. Chernjak M. A. *Massovaja literatura XX veka* [Mass Literature of the 20th Century]. Moscow, Flinta Publ., 2009, 432 p. (In Russian).
24. Sharov V. *Voskreshenie Lazarja* [The Raising of Lazarus]. Available at : <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/8/sharov.html> (accessed: 15.03.2022). (In Russian).
25. Jejhenbaum B. M. *Moj vremennik. Marshrut v bessmertie* [My Diary. On the Path to Immortality]. Moscow, Agraf Publ., 2001, 384 p. (In Russian).

26. Jepshtejn M. *Znak probela: o budushhem gumanitarnyh nauk* [Space: about the Future of Humanities]. Moscow, New Literary Observer Publ., 2004, 864 p. (In Russian).

Информация об авторах

Курочкина Анжелика Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и издательского дела Башкирского государственного университета.

Сфера научных интересов: русская литература рубежа XIX–XX веков, современная отечественная литература.

Котовская Дарья Олеговна — магистрант кафедры русской, зарубежной литературы и издательского дела Башкирского государственного университета.

Сфера научных интересов: русская литература рубежа XIX–XX веков, творчество Леонида Андреева.

Information about the authors

Kurochkina Anzhelika Valeryevna — Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Russian and Foreign Literature and Editorial Services at Bashkir State University.

Research interests: Russian literature at the turn of the 19th–20th centuries, modern Russian literature.

Kotovskaya Daria Olegovna — Master Student of the Department of Russian and Foreign Literature and Editorial Services at Bashkir State University.

Research interests: Russian literature at the turn of the 19th–20th centuries, Leonid Andreyev's works.

Статья поступила в редакцию 27.02.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 24.03.2022.

The article was submitted 27.02.2022; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 24.03.2022.